

Иллюстрации: ОВД-Инфо

21.12.2018, 13:37 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

«Ты бежишь марафон»: как жить, когда твой любимый человек в тюрьме

Заключение тяжело дается не только самому обвиняемому, но и его близким. Любимые, семья, друзья — все они несут потери, иногда довольно значительные. ОВД-Инфо поговорил с тремя людьми о том, что с ними происходило, когда их любимых изолировали от общества.

ТАТЬЯНА, HR-МЕНЕДЖЕР, ЖЕНА ОДНОГО ИЗ ФИГУРАНТОВ «БОЛОТНОГО ДЕЛА»

6 мая 2012 года, накануне инаугурации Владимира Путина на третий президентский срок, в Москве прошел «Марш миллионов» — согласованное протестное шествие,

закончившееся столкновениями между участниками и полицией. Вскоре Следственный комитет возбудил уголовные дела, к ответственности по которым привлекли более 30 человек. Журналисты и правозащитники указывали на политическую мотивированность дела. Относительно многих обвиняемых следствие предъявило скудные и противоречивые доказательства, что не мешало судам отправлять людей в заключение на сроки от двух с половиной до четырех с половиной лет.

Это было шесть лет назад, мне тогда был 21 год. Мы с ним очень долго дружили, как пара были недолго. Тогда я не думала о том, как решилась на это. Наверное, в то время я бы сказала: «А как по-другому?» Ты не думаешь, насколько вывезешь это, насколько это стратегически верно, вообще не мыслишь такими категориями. Сейчас с этим опытом и багажом я понимаю, что все, что можешь сделать, надо сделать. Тогда я не так мыслила. У меня был человек, который был для меня всем, и когда его забирают... куда тебе идти, если у тебя всё забрали? Ты идешь туда, где теперь это «всё» находится.

Когда узнала об обыске, я была у друга. Сползла по стенке, у меня начался припадок, истерика. Друг меня успокоительными откачал. Когда у тебя в такой ситуации нет возможности что-то сделать, это просто ад. Не понимаешь, куда бежать.

Адвокатами занимались родители. Я налаживала его быт. С вечера покупала продукты на передачу, потом ночь сидела, упаковывала продукты в СИЗО: разворачивала фантики от конфет до посинения, пересыпала что-то в пакетики, бутылки, что-то к чему-то пришивала. В 12 ночи приезжала в СИЗО и записывалась в список на передачку, потом часам к семи утра туда ехала, потом с девяти утра до десяти вечера работала, потом ехала домой. Потом ночью он звонил из СИЗО, поговорить.

Поначалу я вообще не спала до пяти утра и ждала. Не важно, звонок мог быть раз в неделю, но я каждый день ждала.

В какой-то момент думаешь: твою мать, лучше бы меня посадили, я бы просто поспала. Ты практически завидуешь человеку, который сидит, который все это говно не тянет. У меня были недели, когда я спала по четыре часа. СИЗО — работа — институт, и так по кругу. Безумное колесо, на котором ты несешься в пропасть. Потом лежишь с нервным срывом, потом опять в это колесо и побежала. Сейчас я понимаю, что как я делала — делать нельзя. Институт в итоге бросила на четвертом курсе.

Важно говорить, что тебе тут тяжело. Бывает в некоторых парах, что один думает, будто он там страдает в неволе, а ты тут на свободе зажигаешь, но это не так. Есть люди, которые умеют грамотно это пережить, но если ты в первый раз с этим столкнулся и не знаешь, что ходить к психологу — это нормально, то поломаешься. Я сейчас какие-то тяжелые ситуации, которые тогда происходили, не помню. Полтора года жизни не помню, вообще ничего. Я даже не могу осознать, насколько это жестко было.

Суды шли девять месяцев, четыре раза в неделю, с утра до вечера. Первые четыре месяца я не пропускала ни одного суда. Сначала я никаких эмоций, кроме радости, не показывала, на все суды ходила, как кукла. Всегда с макияжем, в новом платье. У меня мозг так сработал, что я превратилась в приложение к человеку, кокон, который обволакивает того, кто оказался в такой некомфортной ситуации. У меня был бзик — раз он так ограничен во всем, то у него должно быть все самое лучшее. Если это передача, то еда должна быть самая лучшая, если у нас свидание, то я должна с ног до головы выглядеть идеально. Во-первых, чтобы казалось, что у меня все нормально. Во-вторых, это поддержка, такая форма любви, ты хочешь выглядеть красиво. Это не принуждение, это было мое

искреннее желание.

На суде нам не давали разговаривать. Я приходила и не слушала судью, что-то новое можно было узнать раз в пять судов. Мы спали в суде. У нас была шутка — «Мосгорсон». Важно было занять место спереди, чтобы можно было видеть его. В основном просто смотрела. На суде много злишься. Когда выступает терпила, когда перед тобой встал пристав, когда судья что-то не разрешает, когда начинают орать «Позор!». Это очень утомляет. Ты приходишь, хочешь побыть с любимым человеком, а тебя выгоняют из-за криков. Надо думать не только о себе. Потом те, кто кричали, пойдут домой пить чай к семье, выполнив свой гражданский долг, а я поеду в СИЗО передачку собирать. При этом поддержка важна, и у нас она была огромная, нам очень повезло. Когда большинство говорит: «А нечего митинговать, тогда и проблем не будет», — но есть люди, которые тебя поддерживают, чувствуешь себя шизофреником чуть меньше.

Первое свидание нам дали через восемь месяцев, перед свадьбой. Документы для нее я собирала пять месяцев. Свадьба — это было охуенно. Ты год не трогал человека, и тут тебе дали пятнадцать минут, это просто невероятно. Когда зачитывали приговор, я радовалась, потому что пять с половиной лет просили, а дали три с половиной года. Почти счастливой выбежала оттуда.

Срывы начали вылезать на третий год. У меня были жесткие нервные истощения. Последняя точка была, когда меня полсутки тошнило водой. Раньше я сваливала всё на то, что все устали, а когда у тебя тело так начинает вести... я тогда пошла к психологу. Я бы хотела, чтобы все, кто с этим столкнутся, понимали — чтобы помочь человеку, надо самой выжить. Когда ты сытый

и выспавшийся, ты более продуктивный. Очень важно заботиться о себе. Только почувствуешь себя плохо — возьми тайм-аут, попроси помочь друзей, погуляй, поспи, сделай что-то для себя. Это вопрос выживания.

Не уменьшай свой травматический опыт, говори о нем, ходи на терапию, не стесняйся просить помощи.

Ты бежишь марафон. Когда ты его бежишь, ты обязательно пьешь воду. Если ты этого не делаешь, это огромный вред для твоего организма. Ты можешь это сделать максимально нетравматично. А не так, что ты бежишь, у тебя колени сломаны, и ты просто с солнечным ударом сваливаешься, не добежав до финиша.

Когда он уехал на зону, у нас были ужасные отношения с его отцом. В колонию на свидания меня возили мои родители. Они меня очень поддерживали. Я брала с собой фильмы на дисках, музыку, привезла для этого DVD-проигрыватель. Старалась привозить все, что он просил. Перед тем, как пустить тебя в колонию на свидание, все обыскивают, тебя раздевают догола, нагибают. Заходишь внутрь номера, ждешь несколько часов, пока его заведут. Я за это время все раскладывала, чтобы было уютно. Первые несколько раз его заводили поздно, и я засыпала, пока ждала. До этого не спишь, собираешься, весь на нервах. Просыпалась, и он такой: «Привет, а я смотрю, как ты спишь». Хочется красивой быть, а просыпаешься, и у тебя смешно слюна стекает по щеке.

Самое сложное было разойтись. Это то, что я только в этом году более-менее приняла. Расставание очень ухудшило ситуацию с психическим здоровьем. Я считала, что больше ничего в жизни хорошего не заслужила, потому что бросила человека в сложной ситуации. Есть человек, который страдает в заключении, а на то, как ты страдаешь, всем поебать. Ты должна сидеть с грустным ебалом и ждать, когда твой принц откинется с зоны.

Я помню, как узнала, что его выпустят по УДО. Шла на работу, встала посреди улицы и начала плакать. Целый день редела, не могла поверить в это. В день освобождения было тяжело. Мы обнялись, и вроде все нормально, но назад мы ехали на разных машинах. Меня подруга везла, а его отец заказал микроавтобус, и они ехали в нем. И я до сих пор помню, что я еду к себе домой и подруга его выкладывает фотку, где все друзья сидят у него, а меня там нет. А я не могу поехать в дом, где меня ненавидят, в дом его родителей. Ты как бы всё, не существуешь больше. Я чувствовала себя мусором, оберткой от конфетки. Ты добегаешь марафон до конца, а на финише тебе дают под дых.

Сейчас у нас хорошие, близкие, дружеские отношения. Мне жалко, что я потеряла его в итоге. Я чувствую себя обворованной немного. Мы долго не рассказывали, что разошлись, потому что для меня это очень сложно было, у меня все рухнуло. У меня психоз до сих пор, как я об этом думаю.

Вокруг меня много фантастических людей. Которые с тобой были, все это пережили. Мне кажется, что я и половины им не отдала, чего они мне дали. Мои друзья — это моя семья.

Я поняла, какой я сильный человек. Если бы не эта ситуация, я, наверное, этого бы не узнала. И на многие вещи тебе не просто раскрывают глаза, а вставляют в них спички, и ты не можешь их закрыть. Ты не можешь уже быть равнодушным. И важно, что я, пережив это, могу рассказать другим женщинам, как пережить это с меньшими потерями.

**ЕЛЕНА, ЖЕНА ВАСИЛИЯ КУКСОВА,
ФИГУРАНТА ДЕЛА «СЕТИ»**

*Одиннадцать молодых людей в Пензе и Петербурге обвиняют в участии и организации террористического сообщества «Сеть»: ФСБ считает, что участники сообщества готовили теракты в России, чтобы поднять вооруженный мятеж. Четверо **фигурантов** и один **свидетель** по делу заявили, что их пытали током сотрудники ФСБ. Обвиняемые, в том числе и Василий Куксов, говорили также о подброшенном оружии. По информации ОВД-Инфо, замок на машине Куксова, в которой нашли пистолет, был **взломан**, а экспертиза не нашла на оружии отпечатков пальцев.*

Мы вместе десять лет, долго шли к свадьбе. Я еще была школьницей, когда мы познакомились. Переехали вместе в Пензу, он работал, я училась — сначала на бакалавра по журналистике, потом в магистратуре на психолога два года. Я получила диплом, он сделал мне предложение.

Вася такой человек — «домашний». Если он где-то задерживается, я обязательно об этом знаю. 18 октября я пришла домой поздно с работы. Когда зашла в дверь, почувствовала что-то неладное. Его сумки с работы, с которой он возвращается, не было. Сумки, с которой он ходит в спортзал, тоже. Я запаниковала, стала ему звонить. Один раз позвонила, два — не берет, три. Друзьям позвонила, но никто не знает, где он.

Появился. Где-то ближе к десяти — резкий звонок и сильный стук в дверь. Я на цыпочках к двери, посмотрела в глазок, там 8–10 человек. Глазок пытается закрыть человек в черном, в маске. Я увидела, что Вася мой в капюшоне, еле стоит на ногах, его держат за шею к стене лицом. Я даже подумать не могла, что это сотрудники, потому что, ну, как правило, они представиться должны как-то: «Откройте дверь, это сотрудники ФСБ». Я очень испугалась, подумала, что может это бандиты. Позвонила в полицию, дура.

Я под дверью села, слышу, они ему там: «Кричи ей в проем, пусть открывает». И услышала: «ФСБ». Открыла, завели. Вася выглядел растерянным, будто сам не понимал, что происходит. Джинсы, свитер были в крови, все было грязное, из куртки повылазил наполнитель. Я ему говорю: «Тебя кто так?» Он улыбнулся, посмотрел на меня: «На тренировке». Полицейские приехали, когда уже был обыск в квартире.

Обыск проводился очень долго, нашли ключи от машины. Пошли к ней. В машине нашли пистолет под пассажирским сиденьем. Естественно, он был подброшен. Никакой дурак так бы его не бросил под сиденье. На Васю сразу надели наручники. Он начал кричать, что это не его, смотрел на меня с широко открытыми глазами: «Лена, ну это же не мое». И я говорю: «Да я знаю, что это не твое». Сейчас экспертиза уже готова по оружию, там отпечатков нет, но никого это не волнует.

Васю погрузили в белую «газель». Я стала у следователя спрашивать: «А куда, а что, а как, а где мне его найти?» Мне дали номер следователя, Токарева. Он, правда, трубку не брал.

Одна я не осталась, со мной была девочка, коллега и подруга. Мы жили с ней вместе полгода. Я не могла ни спать, ни есть, мне нужен был человек рядом, иначе бы я ревела, не прекращая, смотрела бы в потолок.

Когда мы в первый раз были в суде, нам дали момент чуть-чуть пообщаться. Он мне шепнул: «Лена, таких беспредельщиков ты в жизни не встречала. Меняй квартиру и будь осторожна, никуда не ходи одна, ни с кем не общайся». Он был очень напуган и советовал мне бдительной и осторожной быть всегда. Сначала, когда его задержали, на него психологически давили. Ему не раз говорили: мы таким же составом навестим твою жену,

пусть ждет. Но на меня лично никак не давили.

Свидания официальные запрещены. Мы видимся только на судах по продлению, они раз в три месяца.

На заседании в районном суде родные могли зайти, когда судья уходила в совещательную комнату. Там стеклянная клетка, но в ней есть вырез, где-то посередине. Туда можно руки просунуть, потрогать друг друга, и мы даже умудрялись поцеловаться там чуть-чуть, чмокнуть в губы. Сейчас у нас продления в областном суде, там не разрешают даже садиться на первый ряд. Уводят его так, что мы не видим его. Там общаться нельзя. Теперь мы лишь немые наблюдатели.

Передачи передаются раз в 10 дней. Мы с родителями меняемся. Надо встать рано, часов в пять утра. Летом было терпимо, а зимой — ад. Один раз было настолько холодно, а я приехала за два часа до открытия магазина (при СИЗО — *ОВД-Инфо*). Машины у меня нет. Хорошо тем, у кого машина, — люди идут, занимают очередь, потом садятся в машину и ждут там открытия магазина. А ты приезжаешь, отпускаешь такси и стоишь там. Как ни кутайся, на морозе два часа все равно тяжело.

Первые передачи были ужасные, когда ты не знаешь, что передавать. Мне так стыдно, что я изначально не узнала это все. Я в первый раз когда поехала, наготовила еду сама дома. Потому что слово «домашняя передача» — я думала, это домашнюю еду можно передавать.

Я готовила полночи, все запаковала по контейнерам, привезла, а мне сказали: «Девушка, вы что, вы в своем уме вообще?» Сейчас я всему научилась, стало проще.

Сотрудники не грубят, если ты к ним относишься по-человечески. А куда без этого? Это единственная весточка, что тебя помнят, любят и ждут здесь. Не в еде дело. В СИЗО мы еще отправляем фото родных вместе

с письмами. Вася рассказывал, что прошлый Новый год встретил так: в одной руке держал кружку с водой, в другой — мою фотографию. Загадал желание, с сокамерником они чокнулись, выпили воду и легли спать.

Самое сложное — осознавать, что твой человек, родной и любимый, находится в таких условиях непонятно за что, непонятно на сколько. Поначалу мы никому ничего не говорили. Потом уже постепенно все стали спрашивать, почему все время одна. И страх был, что люди начнут не понимать, говорить: «Дыма без огня не бывает». Нет, ни один человек мне такого не сказал, ни один друг не усомнился, что дело фальсифицируют.

С родителями общаемся. Я думала, что они хуже отреагируют, но они держатся. Тоже поняли всю несправедливость этого дела. Отец боевой мужчина, все время кричит «за что?!», «нашли террориста». Мама женщина мягкая, музыкальный работник. Она переживает, похудела, но тоже держится, работает, молится. Сейчас она часто молится. Наверное, потому что каждый из нас надеется на чудо. Я заметила, что они даже в мыслях не допускают, что их сына могут реально посадить.

Я всегда надеюсь на худшее, мне потом так легче принимать лучшее. Я готова ко всему. Теперь у меня есть четкое разграничение людей. На честных и нечестных. Нечестные люди — это все те, которые участвуют в организации всего этого дела. Которые незаконно задерживают, непорядочно судят, присылают родителям отписки. Ты понимаешь, что твоего сына, брата или мужа пытали, а тебе говорят «нет-нет, это клопы покусали», у этого «прыщи вылезли». Грусти стало больше в этой жизни.

Силы я черпаю в любви. Я тоже человек и тоже срываюсь, плачу, и руки опускаются: почему я, почему так вышло,

почему такая судьба? Пока есть силы и возможность — будем бороться. И еще сил придает, что мы не одни в этой ситуации. Таких, как мы, много оказалось по всей стране. Мы сейчас общаемся с другими родными фигурантов дела и поддерживаем друг друга. Так просто мы ребят им не отдадим, и так просто посадить невиновных людей у них не получится.

ПАВЕЛ ГАФАРОВ, МЕНЕДЖЕР, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК АЛИ ФЕРУЗА

*Журналист «Новой газеты» Али Феруз (Худоберди Нурматов) уехал из Узбекистана, потому что местные спецслужбы, по его словам, склоняли его к сотрудничеству. Перед тем, как Ферузу удалось бежать, он подвергся пыткам. В августе 2017 года журналиста **задержали** в Москве. В этот же день было **принято** решение о депортации Феруза в Узбекистан, что было опасно для его жизни. Три дня спустя Европейский суд по правам человека **наложил запрет** на исполнение этого решения. Феруза поместили в ЦВСИГ, где он провел семь месяцев. В феврале суд **разрешил** журналисту выехать из России в третью страну. 15 февраля 2018 года Феруз покинул Россию и с тех пор находится в Германии.*

Мы с Али были недолго знакомы, отношения были на этапе становления. Когда его задержали, это было похоже на кошмарный сон. Али делал **короткое включение** из машины, когда его везла полиция. Я был на работе, только вернулся с обеда. Сразу поехал в ОВД «Басманный», туда нужно было привезти из нашего дома документы. Я их привез, потом оставался в ОВД до того, как его повезли на суд. Дальше у суда ждал решения, внутрь мне попасть не удалось. Потом мы его видели только издали, как заводили в микроавтобус, который повезли в ЦВСИГ.

Несколько дней было очень страшно, потому что Али могли выдворить, а уверенности, что удастся через ЕСПЧ это остановить, — не было. Более или менее спокойное состояние наступило, когда Европейский суд запретил выдворение. С этого момента стало возможно жить, а до этого... Я уже даже не все помню, но помню, что в какие-то моменты я садился на землю и рыдал. Я еще не представлял, что ему может грозить. Помню, тогда вышел материал в «Новой газете» о людях, которые попадают в похожие ситуации, когда Узбекистан требует их возвращения. Они возвращаются, попадают в тюрьмы, попадают надолго, человека может просто никто не увидеть.

Для меня это был первый в жизни момент, когда я столкнулся с тем, как государственная репрессивная машина работает. Не на себе, но на близком человеке. Я знал, что такие вещи происходят, но когда это касается тебя лично — это, конечно, по-другому. Я и раньше следил за этим в новостях, следил за протестами. Был таким сопереживающим наблюдателем. В этот момент укрепилось желание уехать. С другой стороны, я почувствовал, что в этом и моя ответственность тоже есть. В том, что происходит. Мне было 27 лет, у меня уже девять лет была возможность голосовать, участвовать в протестных акциях, а я сидел и наблюдал. Мне кажется, будь я вовлеченнее в политическую жизнь, участвуй я в выборах, пусть даже это и такие выборы, как в России, я мог бы хотя бы чувствовать, что сделал что-то. Тут было ощущение, что я сам, в какой-то степени, привел себя к этой ситуации. То, что я живу в такой стране, я за это в ответе.

Можно сказать, что моей обычной жизни практически не осталось с того момента. Вся моя жизнь была вокруг этого. Мы собирали передачи, я, насколько мог, участвовал

в пикетах. С самого начала мы организовали чат поддержки, в котором около 100 человек было. Есть люди, которые Али поддерживают и которые всегда за него, без этого мы не справились бы. Но должен был быть человек, который на связи с его родственниками, с журналистами, общается с «Новой газетой», с другими людьми, которые готовы тоже впрячься. Я стал этим человеком. Даже с точки зрения работы, меня, к счастью, поддержали, и возможно было работать с ноутбука по дороге в ЦВСИГ. А когда у Али появилась возможность разговаривать по телефону больше, то я просто с ним разговаривал всегда. Ездил на такси по городу, а не в метро, просто чтобы связь не прерывалась. Удалось увидеться только один раз. Даже когда была оформлена бумага, что я буду его представителем по административному делу, не разрешили встречу. Получилось под Новый год, когда я приехал с мамой Али, Зоей Васильевной.

Были срывы, конечно, эмоционально было очень сложно. Ну и в том числе, потому что ты находишься в постоянном разговоре с человеком, у которого практически не осталось надежды. Ощущения, что все будет хорошо, уверенности в этом не было. Для Али это все еще история, которая с ним, ему нужно с ней работать. Сейчас я вспоминаю это время, как будто это было не со мной. Меня очень поддерживало, что я был влюблен все это время, и до сих пор. Я в какой-то степени старался ради себя, вкладывался в свое будущее. Очень помогала семья. Мне кажется, моя мама не меньше моего думала о том, как Али там сейчас, что будет дальше, что нужно отправить очередную передачу. У меня такое ощущение, что я думал об этом как минимум каждую минуту все то время, пока Али был в тюрьме, это было всегда в центре моего внимания, и для моей мамы это было примерно так же.

Насчет гомофобии — думаю, можно разделить, в первую

очередь, как Али с этим сталкивался, и как я. Знаю, что он много сталкивался с разными видами дискриминации. Когда я познакомился с Али, я себя почувствовал человеком привилегированным, которому гораздо легче жить в России, потому что я похож на других. Я давно уже сделал каминг-аут друзьям и семье. Меня очень хорошо все приняли и поддержали. Если брать какую-то широкую публичность, это произошло, уже когда мы познакомились с Али, — было публичное признание в любви.

И я вспоминаю, как на работе те люди, с которыми я не был близок, они даже поддерживали, подходили, что-то тёплое говорили. И семья очень поддержала — и мама, и папа, и мои братья. Это был момент, когда все вокруг собрались стеной фактически.

Что мы в феврале смогли все-таки улететь — я до последнего момента не верил. И когда это все-таки произошло — это было счастье, и просто невозможно было прийти в себя некоторое время. Даже когда мы приземлились во Франкфурте, оставалась тревога, что не может быть все так хорошо. Я когда летаю между Россией и Германией, каждый раз немножко не верю, что я вырвался. Каждый раз переживаю, что-то пойдет не так.

Али долго говорил, что он был как контуженный, плохо понимал, что он делает, в первые месяцы после отъезда в Германию. Я тоже был в не очень осознанном состоянии. Очень помогло, что нас встретили друзья и провели практически за руку через все первые шаги, которые связаны с документами, получением медицинской помощи, жильем. Нас плотно окружили заботой, и с точки зрения начала новой жизни было легко. Поначалу не было каких-то ясных перспектив, как будет с работой у Али здесь, где мы будем жить, чем я буду заниматься. Сейчас есть план на жизнь, которому мы следуем, общий проект, над которым мы работаем. Гораздо легче, когда мы вдвоем. Сложность в наших отношениях была в том, что мы половину времени проводили врозь. Когда

мы получили возможность быть вместе уже постоянно — так гораздо спокойнее, потому что мы друг друга поддерживаем. Конечно, в первую очередь это работа с собой, но мы друг другу помогаем. И у меня, и у Али есть психотерапия, через которую мы проходим, и я думаю, что мне было бы очень сложно, если бы не было этой работы с собой. Спасибо моему психотерапевту большое. Али тоже возобновил терапию и прорабатывает этот опыт.

```
[class^="tooltip"] { position: relative; border-bottom: 1px dashed #F04E23; cursor: pointer; } [class^="tooltip"]:after { opacity: 0; visibility: hidden; position: absolute; content: attr(data-tooltip); padding: 6px 10px; top: 1.4em; left: 50%; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform: translateX(-50%) translateY(-2px); background: grey; color: white; white-space: pre-wrap; z-index: 2; border-radius: 2px; font-size: 14px; line-height: 20px; -webkit-transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); } [class^="tooltip"]:hover:after { display: block; opacity: 1; visibility: visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0); transform: translateX(-50%) translateY(0); } .tooltip--left:after { top: -4px; left: 0; -webkit-transform: translateX(-112%) translateY(0); transform: translateX(-112%) translateY(0); } .tooltip--left:hover:after { -webkit-transform: translateX(-110%) translateY(0); transform: translateX(-110%) translateY(0); } .tooltip--right:after { top: -4px; left: 100%; width: 320px; -webkit-transform: translateX(12%) translateY(0); transform: translateX(12%) translateY(0); } .tooltip--right:hover:after { -webkit-transform: translateX(10%) translateY(0); transform:
```

```
translateX(10%) translateY(0); } .tooltip--triangle:before {
content: ""; width: 0; height: 0; border-left: solid 5px
transparent; border-right: solid 5px transparent; border-
bottom: solid 5px grey; opacity: 0; visibility: hidden; position:
absolute; -webkit-transform: translateX(-50%)
translateY(-2px); transform: translateX(-50%)
translateY(-2px); top: 1.1em; left: 50%; -webkit-transition:
opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-
transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition:
opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-
transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition:
opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform
0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity
0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-
bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-
bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); z-index: 3; } .tooltip--
triangle:hover:before { display: block; opacity: 1; visibility:
visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0);
transform: translateX(-50%) translateY(0); }
```

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446

Дело о террористическом сообществе «Сеть»

33 286

Депортация журналиста «Новой газеты» Али Феруза и акции в его защиту

